

ловеку! А во Отечниках написано*: «егда-де человека в лице похвалишь, тогда сатане его словом предаешь». От века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор Вавилонский! Да досталось ему, безумному! Седьмь лет быком походил по дубраве, траву ядше, плачучи. Да, хорошо; слава богу о сем. Как простил бог слез тех ради, так потом годе усу тому воля давать; не стал уж раздувать, но и до смерти семеньми питашеся. А то приступу не было: «бог есмь аз! Кто мне равен? Разве небесной! Он владеет на небеси, а я на земли равен ему!»

...Много мучительства сотворил и крови неповинныя реки потекли. Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, а аще кто мечем убьет, подобает ему убиенну быти»*. Писание не лжет, будет так; праведен суд божий; терпит господь, наказуя, ожидает обращения. Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался*. Также шаловал дурачищо, бога отступя, и на высоких жрал, сиречь на горах болванам кланялся. Исаия пророк, велегласная труба, так же ему журил, как и ныне бывает, и он ево на полы древяною пилою перетер: «навось! не указывай нам, великому государю! на нас то положено!» А кто положил? В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереев и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово, а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповедников православныя веры во огонь всажати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нароком наставлены, яко земские ярышки, — что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» Медведя Никон, смеяся, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю, — митрополитищо, законоположник! А тут же в сонмище с палестинскими седит*, бутто знает! А о Павле Крутицком мерско и говорить*: тот явной любодей, церковной кровядец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огонь сажать.

Добро-су, други, пришла ваша година и область темная. Творите, еже хотите. Нечево много говорить, не пособить подождать воли господни, аже умилосердится о нас бедных и услышит плач вопиющих к нему день и ночь. Надеюся, яко прекратит дние сии за молитв святых отец наших и подаст рабом своим отраду и утеху. Да и при Манасии жерцы те также шурмовали; да как самоео выдал бог персам, так и все skutалися, и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали. А Манасию татаровя в коноб всадили, самоео изжарить хотели, как он жарил во Израили глаголющих истину и правду. Видит беду свою неминуемую, яко не помогут боги, стоящии на горах высоких, притече душею ко истинному богу, животворящсму мертвыя, и возопи, в конобе медяне седя: «господи еседержителю, боже отец наших, Авраамов, и Исааков, и Ияковль», и прочая. Вот, пророк Давыд не солгал, рекше: «бродами и уздою челюсти их востягнеши, неприближающихся к тебе»*. Слава тебе, господи! Любо и мне; хорошо так, Христе, сыне божий! А то с дураком ладу не было, все переломал на свой лад, и сына божия попра, и кровь заветную осквернил, а в котле том узнал Авраамова бога. И Авраам отец стал. А до тово глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святыя, грамоте не умели! Так и там было. Господь милостив: покаяния ради избави его от смерти, — рассядися коноб, и ангел восхитя ево и принесе во Иеросалим. Ну же он жернов тех душишь, и живых и мертвых: от вас-де разорение се, и мне была кончина! воры-де, блядины дети, с ума меня свели! А сам где был? А то Исаия говорил. Полно противитца! Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отрынул и обругал. Кто бы ты принудил? Самовластен еси и священная писания измлада умееши, могущая тя умудрити во спасение твое, да не восхотел последовати учению отца истиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть тогда и днесь победители. Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаяние пришедша, дерзнувшаго святая покадити**, но зри на богоотца царя и пророка Давыда. Егда изочте Израиля и прогневал тем бога, послан ангел и уби от полка его в три часа 70 000. Давыд же плакаше и бияше в перси, глаголя: «аз, пастырь, согреших; аз тя, господи, прогневах, а сии овцы ничтоже о сем разумеют; меня казни и дом мой, а сих помилуй!» И умилосердися господь, покаяния ради царе-

ва, повеле ангелу престати от пагубы людцкой*. Виждь, начальных согрешения какову беду миру наносит, тогда и ныне и во веки. А в нашей России в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь и внесены быша еретическия уставы, много пагубы бывало: мор на всю землю и сеча, и междоусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки. А еретики ему блазнят и лагодят, глаголя: «яко на кроткова, государь, Давыда напасти и беды на тебя и на царство твое бывают». А не молвят так, что-де, государь, войны те и смущение во царстве том, яко при Сауле царе, сыне Киссове; несть ли-де и во твоей души такового смущения, якоже и в его, Саулове, мерской, осмотрися-де, государь, и прибегни с покаянием к богу, да милостив будет той zde и в будущем веце яко Манасии, умилосердися-де, государь, яко Ахав развративше Израиля; прибегни, яко блудница*; возопи, яко хананея*; припади, яко мытарь*, бия в перси, и, яко разбойник, возопи*: «помяни мя, господи, егда придеши во царствии си», да милостив будет ти господь бог, не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие, зане яко трава скоро истишут и яко зелие злака скоро отпадут*. Престани-де, государь, проливати крови неповинных; пролей в то место слезы, угаси пещь, палящую рабов Христовых в Боровске и в Казани; с воздыханием из глубины сердца расторгни узы сидящих в темницах и изведи живых, закопанных в землю; припади к коленама их с покаянием, да умолят о тебе бога, яко о Феофиле иконоборце Мефодий*. Древле также был миленький Мефодий-ет с двема разбойником закопан в землю, яко и бояроня Морозова Феодосья в Боровске с прочими, в земле сидя, яко кокушка кокует.

..Пострижена ты уж нынеча, инокиня схимница Феофора*, миленькая моя! Как-то человеку тому, душка та коему больна, всяко домышляется, еже бо не во тщету жизнь изнуряти! Хороша ты и так милостию божиею была и без чернечества тово. А ныне и давно добро, кстае плакать сильно ладно². Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня, облетая, по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Но спаси его, господи,

---

² В Боровском списке (см. стр. 105): сильно хорошо, ладно.

имиже веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушек тех, бедных, сидящих в земле.

...О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк и глагола пророку пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильного, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению»*. И глагола ему Нафан: «царю Давыде! ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удовольився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафан: «возри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжеса Давыд, виде над собою ангела, — оружие наго держа, хотя его за беззаконие посети*. И възопи Давыд ко господу: «помилуй мя боже, по велицей милости твоей и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя» и прочая псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю, — время покаяться.

...Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя, — да уже слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонеча хмельненек от Никанова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисонот отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и гра-